

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1575 г. И ЧАСТИЧНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

В. И. Корецкий

В последние годы внимание советских историков вновь привлечено к земским соборам XVI века¹. Изучаются причины их созыва, обстановка, в которой они действовали, вопросы, обсуждавшиеся на них, состав участников. Поставлены важные проблемы о принципиальной общности и существенных особенностях социальной природы земских соборов в России и сословно-представительных учреждений Западной Европы, о созыве земских соборов в России XVI в. в связи с классовой и внутриклассовой борьбой, о «совещаниях соборной формы» и др. Делаются попытки уточнить, сколько было соборов в XVI в. и когда они созывались. Акад. М. Н. Тихомиров, указав на факт созыва земского собора 1580 г., справедливо предположил, что могли быть и другие, неизвестные до сих пор историкам земские соборы XVI в., заполняющие «громадный промежуток времени» между 1566 и 1580 годами². Предположение М. Н. Тихомирова вскоре получило подтверждение в известии о земском соборе 1575 года³. Изучение этого земского собора представляет большой интерес в связи с «поставлением» Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии». При оценке такого необычного шага Ивана Грозного мнения историков разделились.

П. А. Садииков объяснял «политический маскарад» 1575—1576 гг. той обстановкой «бескоролевья», которая сложилась тогда в Польско-Литовском государстве. Чтобы обеспечить себе избрание на польский трон, Иван Грозный и поставил Симеона «великим князем всеа Русии», а сам назвался просто «князем Московским»⁴. Однако это предположение противоречит поведению Ивана IV во время переговоров с польско-литовской стороной, когда одним из главных требований Грозного было признание за ним полного царского титула⁵. И в дипломатических документах, адресованных другим государствам, например, Дании, Швеции, Турции, везде в 1575—1576 гг. фигурировал полный

¹ М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. «Вопросы истории», 1958, № 5; L. Tcherernine. Le rôle des zemski Sobory en Russie lors de la guerre des Paysans au début du XVIIe siècle. Отдельный оттиск из «Etudes présentées, à la Commission Internationale pour L'histoire des Assemblées d'états». Т. XXIII, 1960; его же. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей. М. 1964; С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века. «История СССР», 1960, № 4; А. А. Зинин. Земский собор 1566 г. «Исторические записки». Т. 71. 1962.

² М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 17.

³ В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии». «Исторический архив», 1959, № 2.

⁴ П. А. Садииков. Очерки по истории опричнины. М.-Л. 1950, стр. 43—44.

⁵ Л. Дербов. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. XXXIX. Вып. исторический. 1954, стр. 210, и др.

царский титул Ивана Грозного⁶. В повседневной дипломатической практике «поставление» Симеона Бекбулатовича замалчивалось, а самого «великого князя» иностранным послам даже не показывали. В свете этих данных предположение П. А. Садикова не может быть принято.

Автор разделяет точку зрения тех исследователей⁷, которые видят причины «поставления» Симеона Бекбулатовича в особенностях внутренней политики Ивана Грозного. Однако нам хотелось бы показать, что лучше всего пониманию как причин загадочного царского поступка, так и последовавших затем мероприятий Ивана IV может служить изучение обстоятельств созыва земского собора в Москве осенью 1575 года. В выяснении взаимосвязи этих двух событий, их классовой направленности, характера и объема произведенного в 1575—1576 гг. нового разделения государства, напоминавшего во многом опричнину 1565—1572 гг., и состоит цель настоящей статьи.

В 70-х годах XVI в. Россия переживала тяжелое хозяйственное разорение. Первые ощутимые признаки его проявились уже в 60-х годах, а спустя десятилетие это разорение приняло угрожающие размеры⁸. Источники позволяют увидеть главную причину хозяйственного упадка страны в резком возрастании государственных налогов в связи с Ливонской войной, опричными перетасовками и правежами Грозного.

Правительство, сталкиваясь с надвинувшимся на страну хозяйственным разорением, пыталось как-то этому противодействовать. В 1572—1573 гг. был организован даже специальный приказ во главе с князем Д. А. Друцким и дьяком Киреем Гориным по продаже в Московском уезде запустевших поместий в вотчины. В этом же приказе выдавались льготные грамоты на запустевшие вотчины в ряде центральных уездов⁹. Из дошедших до нас немногих льготных грамот можно заключить, что выдавались они по преимуществу представителям дворянских верхов, связанных с опричниной.

Правительство более широко пыталось поставить продажу «порозжих» поместных земель. По указу 1572—1573 гг., «порозжие» поместные земли должны были продаваться в Московском уезде не только служилым и приказным людям, но и «мочным гостям»¹⁰. Основная цель этого указа состояла в преодолении «пустоты», катастрофически развившейся именно на поместных землях и усугубленной в Московском уезде набегом крымского хана Девлет-Гирея в 1571 году.

Названный приказ просуществовал недолго, до 1577 года. Последнее два года его возглавлял уже не Д. А. Друцкий, казненный Грозным,

⁶ ЦГАДА, ф. Крымские дела, кн. 14, лл. 276—278; «Сборник Русского исторического общества» (Сборник РИО). СПб. 1910, стр. 343, 347, 349—350; «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». СПб. 1851, стб. 481, и др.

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. III. М. 1960, стр. 565; С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб. 1891, стр. 76—81; Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. «Послания Ивана Грозного». М.-Л. 1951, стр. 481—484; С. М. Каштанов. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 16. 1961, стр. 427—462.

⁸ В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веков. ЖМЮ, 1909, № 10, стр. 194; «Чтения общества истории и древности российских (ОИДР) за 1887 г.». Кн. II. М. 1883, стр. 13; Е. Д. Сташевский. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Киев. 1907, стр. 26—27, 101; Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М. 1899, стр. 311.

⁹ М. А. Дьяконов. Акты тягло населения. Вып. 2. Юрьев. 1897, №№ 21, 24.

¹⁰ «Памятники русского права» (далее ПРП). Вып. 5. М. 1959, стр. 461—462.

а князь И. Гагарин. Все заключенные сделки записывались в «продажный список», который до нас, к сожалению, не дошел. О социальном составе покупателей можно судить по нескольким сохранившимся купчим и упоминаниям о покупках в писцовых книгах Московского уезда. В числе покупателей — князь И. М. Глинский, боярин И. В. Годунов, дьяки Андрей и Василий Щелкаловы, Сапун Аврамов, Шемет Иванов, Рохманин Русинов и лица менее значительные, но близкие ко «двору» Ивана Грозного и его дворцовому хозяйству, — государевы конюхи, псары и т. п.¹¹. Таким образом, продажа запустевших поместий под Москвой имела, помимо экономической, еще и политическую цель — иметь близ столицы надежных служилых людей, лично преданных царю.

Однако правительственные меры по борьбе с запустением успеха не имели. Напротив, продолжая взимать налоги «с пуста» с оставшихся крестьян, правительство способствовало еще большему упадку поместий и вотчин. Столкнувшись с острой нехваткой денежных средств, прежде всего для ведения Ливонской войны, Иван Грозный обратил внимание на церковные богатства. Разгромив во время опричнины крупных светских феодалов при помощи духовных¹² Иван Грозный в начале 70-х годов меняет свою политику в отношении церкви. Указом от 9 октября 1572 г. были запрещены земельные вклады в крупные монастыри во всем государстве и установлено правило обязательного «доклада» правительственным органам в случае вклада в мелкие монастыри¹³. Испытывая острую нужду в деньгах для продолжения войны, государственная власть рассчитывала получить их из монастырских сокровищниц.

Однако церковники отнюдь не склонны были добровольно делиться своими богатствами с государством. Вспыхнула ожесточенная борьба, в ходе которой Иван Грозный применил излюбленные приемы подавления политических противников — опалы и казни. Ряд высших церковных иерархов был обвинен в различных предосудительных для их сана поступках, на них были заведены судебные дела. По свидетельству англичанина Джерома Горсея, находившегося в это время в России, Иван IV предложил также монастырям доставить «вернейший и точный инвентарь всех сокровищ и годового дохода», получаемого каждым монастырем от всех своих владений¹⁴. Это сообщение Горсея получает косвенное подтверждение в Троицкой вкладной книге 1673 г., где сохранились ссылки на «ризные книги» монастырской казны «83-го года», то есть 1574—1575 годов¹⁵. Взятие на учет монастырских ценностей, составление инвентарей, отписи «на государя» части монастырских земель — все это порождало среди монастырской братии глухое недовольство.

В такой напряженной обстановке осенью 1575 г. в Москве собрался земский собор. Созванный на восемнадцатом году Ливонской войны, этот собор стал известен историкам совсем недавно. Сведение о нем было обнаружено в разрядных книгах пространной редакции, где приводилась запись от 30 сентября 1575 г. о том, что «велел государь боярам и воеводам князю Ивану Юрьевичу Булгакову-Голицыну и

¹¹ ЦГАДА ф. Поместный приказ, Суздаль. стб. 27693, ч. III, лл. 32, 161; Государственная библиотека имени В. И. Ленина (ГБЛ). Троицкое, кн. 536, № 148; Г. Н. Шмелев. Из истории московского Успенского собора. М. 1908, стр. 161—162. «Писцовые книги Московского государства XVI в.». Ч. I. Отд. I. Изд. Калачева. СПб. 1872, стр. 209—213, 258, и др.

¹² См. М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962, стр. 59.

¹³ ПРП. Вып. 4. М. 1956, стр. 532.

¹⁴ Дж. Горсей. Записки о Московии XVI века. СПб. 1909, стр. 36.

¹⁵ Московское отделение архива Академии наук СССР. ф. 620, № 18 (Троицкая вкладная книга 1673 г. — копия С. Б. Веселовского), лл. 26 об., 28, 51 об., и др.

иным воеводам и большим дворянам з берегу и из крайних городов быти к Москве по списку для собору»¹⁶.

Некоторое предствление о том, кого же из наиболее крупных военачальников вызвал Иван IV в Москву «з берегу» для участия в земском соборе, дает сопоставление весенних и осенних разрядных назначений 1575 года. В столицу направился И. Ю. Булгаков-Голицын и, надо полагать, также И. В. Шереметев, В. Ю. Голицын, П. И. Татев, принимавшие участие в земском соборе 1566 года. Некоторые участники земского собора 1566 г., например, В. И. Телятевский, А. Палецкий, Р. В. Охлябинин, были оставлены Иваном IV для несения береговой службы и на земском соборе не присутствовали. Таким образом, самый факт участия на предыдущем земском соборе еще не влек за собой участия на следующем — эти дворяне могли быть посланы и на другую «государеву службу».

Бояре, воеводы и «большие» дворяне из войска, сконцентрированного на южных границах, и из пограничных городов отправлялись в Москву на собор «по государеву указу», «по списку», что не позволяет преувеличивать значение выборности, избирательной борьбы и т. п. в деятельности русских земских соборов XVI века. Поскольку на их проезд в Москву требовалось некоторое время, начало заседаний земского собора надо отнести к первой половине октября 1575 года.

Наряду с думными чинами и предствителями дворянства, прибывшими из войска и южных городов для участия в работе земского собора, были вызваны и высшие церковные иерархи, члены «освященного собора». 30 декабря 1575 г. старец Гурий Ступишин подал в Иосифо-Волоколамский монастырь «память разходную, как жил на Москве с ыгуменом в соборе», на общую сумму в 100 руб. 22 алт. 4 ден.¹⁷. С сентября 1575 г. в Москве находились епископы и архиепископы из различных районов России, на содержание которых по монастырям собирались деньги. В приходе-расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря за 1575/76 г. сохранилась запись о посылке «к Москве с Бевом с Русыным 10 алтын на колачи, давати владыком на корм»¹⁸. Для чего они были вызваны в столицу, мы узнаем из «Летописца новгородским церквам божним» (так называемая 3-я Новгородская летопись), где рассказано о поездке новгородского архиепископа Леонида в Москву («и приеха к Москве на собор») и о его казни «повелением» Ивана Грозного «у Пречистой на площади», то есть на площади перед кремлевским Успенским собором¹⁹.

Это ценное известие С. Б. Веселовский отнес к «7081» (1572/73 г.)²⁰. Однако обращение к актовому материалу и к «Краткому летописцу новгородских владык» позволяет датировать события значительно точнее. Леонид не мог быть казнен в 1573 г., ибо последняя из выданных им жалованных грамот своему дворецкому князю Л. П. Солнцеву на поместье в Городищенском погосте датирована 14 августа 1575 года²¹. В «Кратком летописце» имеется указание на то, что Леонид, поставленный новгородским архиепископом 6 декабря 1571 г., был на владычестве «четыре года без полуторамесяца», что ведет нас к октябрю 1575 года. Между тем в тексте летописца сказано,

¹⁶ В. И. Корецкий. Указ. соч., стр. 153.

¹⁷ Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ). Собрание рукописных книг, № 1208, лл. 89 об.—90. Осенью 1575 г. в Москву выехал, очевидно, также для участия в соборе игумен Антониево-Сийского монастыря Тихон, взявший с собой из монастырской казны 40 белок (ЛОИИ. Собрание Антониево-Сийского монастыря. Оп. 2, № 1, лл. 22 об.—23 об., 24).

¹⁸ Там же. Собрание рукописных книг, № 1208, л. 71 об.

¹⁹ «Новгородские летописи». СПб. 1879, стр. 345.

²⁰ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М. 1963, стр. 467.

²¹ Б. Д. Греков. Описание актовых книг, хранящихся в архиве Археографической комиссии. Пгтр. 1916, стр. 105.

что Леонид умер в Москве 20 октября, без указания года²². Итак, казнь новгородского архиепископа Леонида последовала 20 октября 1575 г. в связи с его приездом на земский собор.

В 20-х числах октября того же года одновременно с Леонидом на площади перед кремлевским Успенским собором, в котором в XVI в. обычно происходили заседания земских соборов, был казнен ряд бояр, дворян, видных приказных деятелей и высших церковных иерархов. Свидетельства об этих казнях содержатся в Пискаревском и Соловецком летописцах²³. Здесь говорится о казни боярина князя А. П. Куракина, окольничих П. В. Юрьева, И. А. Бутурлина, Н. В. Борисова, дьяка С. Ф. Мишурина, новгородского архиепископа Леонида, архимандрита Чудова монастыря и протопopa кремлевского Архангельского собора. Кроме того, добавляют летописцы, были казнены и «многие другие». Даниил Принц, прибывший в Москву осенью 1575 г. с посольством от Габсбургов, говорит о 40 казненных дворянах и называет официальную версию расправы над ними — заговор на жизнь царя²⁴. Об «изменах» и «неповиновении» подданных говорил в ноябре 1575 г. сам Иван IV английскому послу Даниилу Сильвестру²⁵. Поэтому упомянутые в синодиках Ивана Грозного и исчезнувшие около 1575 г. из рядных книг, актов и других документов такие лица, как окольничий князь Б. Д. Тулупов, князь Д. А. Друцкий, Н. Г. Яхонтов, А. М. Старого, дьяки Дружина Володимеров, Осип Ильин и другие, с большой долей вероятности могут быть также отнесены к числу казненных Иваном Грозным осенью 1575 года²⁶. Через месяц казни возобновились. Известно, что 27 ноября 1575 г. был казнен Дмитрий Андреевич Бутурлин. Новые опалы и казни обрушились, очевидно, и на других²⁷.

В свете приведенных материалов о земском соборе 1575 г. и массовых казнях в Москве особый интерес приобретает сообщение Джерома Горсея. Он рассказывает о соборных совещаниях в России, в том числе о «великом со всех провинций собрании в Консistorии св. духа» (то есть в Успенском соборе) и об острой борьбе на них между царем, высшим духовенством и частью светских феодалов²⁸. Можно предположить, что Горсей подразумевает деятельность именно земского собора 1575 г., ибо в исторических источниках начала 80-х годов XVI в. нет сведений о сочетании таких событий, как земский собор, «заговор» против царя и массовые казни видных дворян и церковных феодалов.

Суммируя данные русских источников, дополненных сведениями иностранцев (Д. Принца, Д. Сильвестра и Джерома Горсея), можно сделать вывод, что земский собор был созван осенью 1575 года. Соборные заседания продолжались с некоторыми перерывами с октября по декабрь включительно. На соборе произошло какое-то крупное выступление против Грозного со стороны дворянства и высшего духовенства, еще более внушительное, чем в 1566 г., когда часть земского дворянства выступила против опричнины²⁹. Это выступление было расценено

²² «Новгородские летописи», стр. 148.

²³ «Материалы по истории СССР». Вып. II. М. 1955, стр. 81; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. «Исторические записки». Т. 7. 1951, стр. 219.

²⁴ «Чтения ОИДР». Кн. 3. М. 1876, стр. 29.

²⁵ Ю. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. СПб. 1875, стр. 182.

²⁶ Р. Г. Скрынников особо выделяет в синодике опальных Ивана Грозного казни 1575 г., но он не связывает эти казни с происходившим осенью 1575 г. в Москве земским собором (Р. Г. Скрынников. Синодик опальных Ивана Грозного как исторический источник. «Вопросы истории СССР XVI—XVIII вв.». «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 278. 1965, стр. 60—63, приложение II, стр. 85).

²⁷ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 364.

²⁸ Дж. Горсей. Указ. соч., стр. 36, 38.

²⁹ О выступлении земского дворянства против опричнины в 1566 г. см. А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М. 1964, стр. 203—208.

Иваном IV как «заговор», «мятеж», а участники «заговора» понесли суровое наказание.

Причина выступления высших духовных иерархов, материальные интересы которых были задеты Грозным, понятна. Но чем было вызвано выступление служилых людей? Чтобы ответить на этот вопрос, надо пристальнее посмотреть на состав казенных. В основном это были бывшие видные опричные деятели (П. В. Юрьев, И. А. Бутурлин, И. В. Борисов, Б. Д. Тулупов, Д. А. Друцкий, С. Ф. Мишурин, А. М. Старого, Дружина Володимиров, Осип Ильин)³⁰. Только Гедиминович, князь А. П. Куракин и Н. В. Яхонтов (из тверского боярского рода Левашовых) не входили в опричнину и принадлежали к числу тех княжеских и боярских родов, которые были высланы «на житье» в Казань Иваном Грозным еще при учреждении опричнины в 1565 году. К ним следует присоединить и Н. Я. Пыжова (из старинного московского рода Хвостовых), также подвергнувшегося опричной высылке³¹. Если поведение А. П. Куракина, Н. В. Яхонтова и Н. Я. Пыжова можно объяснить их опальным положением, то этого нельзя сказать о видных опричниках, близких к Грозному и занимавших в 70-х годах важные военные и административные должности. Так, во главе приказа по продаже «порозжих» поместий стоял Д. А. Друцкий, Разбойным приказом ведал Дружина Володимиров, Ямским — С. Ф. Мишурин, Дворцовым — Осип Ильин. Они наиболее ясно могли представить себе внутреннее положение страны и всю тяжесть надвинувшегося на нее хозяйственного разорения. Скорее всего их толкнули на выступление те же соображения, которые заставили на соборе 1580 г. дворянских представителей «всей землей» просить Грозного «о мире, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, против сильного господаря (Стефана Батория.— В. К.) трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь на чем и с чем»³². Не прошли мимо них и первые тревожные симптомы недовольства служилой массы затянувшейся войной, сказавшиеся зимой 1574/75 г. и осенью 1575 года³³.

Правительство Ивана IV вследствие финансовых затруднений не всегда выплачивало в срок денежное жалование служилым людям. В 1574—1575 гг. не получили жалование путивльские и рыльские дети боярские. Эти деньги были им выданы лишь в марте 1576 г. после подачи челобитья.

То, о чем заговорили в 1580 г. «вся земля», то есть рядовая служилая масса, предсказывали за пять лет до того наиболее дальновидные представители дворянства, выступившие на земском соборе 1575 г. против пагубной политики правительства Ивана Грозного. В этом отношении они как бы продолжили ту линию предостережений, которую начал на земском соборе 1566 г. дьяк И. М. Висковатый. Грозный не внял тревожному сигналу. Казня воевод, руководителей и дьяков важнейших приказов, хорошо знавших жизнь страны и настроения рядовой служилой массы, Грозный подрывал самые основы своей политики. Осенью 1575 г., казнив недовольных, он прибег к необычной мере, оза-

³⁰ В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного. «Археографический ежегодник за 1959 г.». М. 1960, стр. 16—91; А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 110, 364—365 и др.

³¹ Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. «Исторические записки». Т. 70. 1961, стр. 233, 249; С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 464—465.

³² М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века, стр. 16.

³³ Зимой 1575 г. многие новгородские помещики уклонились от участия в походе в Ливонию, за что понесли суровые наказания. В грамоте от 20 сентября 1575 г. о посылке детей боярских южных городов «на сторожи» и «на берег» в Серпухов к боярину и воеводе князю И. Ю. Булгакову-Голицыну, отозванному 30 сентября в Москву на земский собор, предусматривалась возможность уклонения детей боярских от военной службы и «ухоронки» их в своих поместьях (ЦГАДА, ф. 170, рубрика II, д. 4, л. 1).

дачившей современников едва ли не больше, чем его таинственный отъезд из Москвы в Александрову слободу в декабре 1564 г. и последующее учреждение опричнины. По словам летописца, царь «производителю», передал титул «великого князя всеа Русии» незадолго перед тем крещеному татарскому царевичу Симеону Бекбулатовичу, а сам «назвался «Иван Московский», и челобитные писали так же. А ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех. А бояр себе взял немного, а то все у Симеона. А как приедет к великому князю Симеону, и сядет далеко, как и бояря, и Симеон князь велики сядет в царском месте»³⁴. Летописец сообщает, что Грозный даже торжественно короновал («царским венцом венчал») Симеона Бекбулатовича в Успенском соборе.

Откуда же Иван IV почерпнул мысль о «вокняжении» Симеона Бекбулатовича, а еще раньше о введении опричнины и разделении Русского государства на две части — опричную и земскую? В этих действиях царя историки справедливо усматривали нечто загадочное и непонятное. В. О. Ключевский видел в «поставлении» Симеона Бекбулатовича грандиозный политический маскарад, но полагал, что «здесь не все — политический маскарад». С. Ф. Платонову смысл этой, по его выражению, «игры или причуды» Грозного вообще представлялся неясным³⁵. В исторической литературе высказывалось предположение, что мысль об учреждении опричнины была подана Ивану IV Марией Темрюковной и ее черкесским окружением³⁶. Русский летописец, напротив, склонен приписывать введение опричнины «совету» «злых людей» В. М. Юрьева и А. Д. Басманова³⁷. Можно указать на известную аналогию между «поставлением» Симеона и позднейшими действиями персидского шаха Аббаса I, который, получив от астрологов предсказание об «уничтожении и казни высокопоставленной особы из причисляемых к солнцу», снял с себя на несколько дней царскую власть и сделал падишахом ремесленника-еретика Юсуфа, которого затем свел с престола и казнил³⁸. По свидетельству «Пискаревского летописца», некоторые современники пытались объяснить поразивший их случай с «поставлением» Симеона тем, что волхвы нагадали подозрительному и суеверному Грозному «перемену»: «московскому царю смерть»³⁹. Но если тут говорить о заимствовании, то только Аббаса I у Ивана Грозного. Нетрудно заметить, что эти попытки как-то осмыслить загадочные действия Ивана IV в 1564—1565 и 1575 гг. носят весьма приблизительный характер; главное в них то, что они ведут нас в сторону Востока.

Иван IV любил обосновывать свои поступки ссылками на священное писание и житийную литературу. Можно предположить, что в церковных книгах царь мог найти примеры, оказывавшие влияние по крайней мере на формы претворения в жизнь тех или иных своих политических начинаний. Заметим, кстати, что архаичность этих форм уже неоднократно отмечалась исследователями. Поиски в этом направле-

³⁴ «Материалы по истории СССР». Вып. II, стр. 81—82.

³⁵ В. О. Ключевский. Сочинения. Т. II. М. 1957, стр. 178; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1937, стр. 118—119. Напротив, С. М. Каштанову «поставление» Симеона «не кажется... ни экстравагантной, ни неожиданной или необдуманной», а «вполне закономерной» формой политического маневрирования (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 460). Однако привести из русской истории примеры, подобные случаю с Симеоном, он не смог хотя бы потому, что во всех указанных им случаях великие князья (Василий I, Иван III) и цари (Борис Годунов, Михаил Федорович) назначали себе «соправителя», сами при этом на «удел» не садились.

³⁶ П. А. Садиков. Указ. соч., стр. 18; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 134.

³⁷ «Материалы по истории СССР». Вып. II, стр. 76.

³⁸ П. И. Петров. К вопросу об источнике повести Ахундова «Обманутые звезды». «Вопросы истории религии и атеизма». Сборник. Т. 8. М. 1960, стр. 339—341, 345.

³⁹ «Материалы по истории СССР». Вып. II, стр. 82.

нии привели нас к «Житию Варлаама и Иоасафа». Это житие представляет собой обработку, приписываемую Иоанну Дамаскину, восточной легенды из жизни Будды⁴⁰.

Здесь мы встречаемся с поразительно сходными ситуациями. Царевич Иоасаф, наследовавший после смерти своего отца Авенира царский престол, тяготится властью, хочет отказаться от нее и отправиться в пустыню к своему духовному наставнику Варлааму. Он собирает царский совет («созва вся старейшины воинская, препоясанныя, и от градских людей») и объявляет о своем желании поставить во главе государства одного из вельмож — Варахию, мотивируя это тем, что ему «время отити, иде же сам (бог.— В. К.) наставит мя». Не встречая сочувствия своим планам, Иоасаф тайно покидает столицу и, несмотря на протесты подданных и самого кандидата, назначает Варахию царем⁴¹.

Приводится в житии и случай с разделением царства на две части: «И раздели убо вся сушая под областию его страны на двое. Постави же сына царем, всякою царьскою просвети славою, и во отлученное ему царство посла, и (с) светлыми оруженосники. Князем же и владыкам; воем же и воеводам повеле всякому хотящему ити с сыном царевым и град некий многочеловечен отлучи ему в царство и вся дарова ему, еже подобает царем»⁴².

Достаточно привести эти места из «Жития Варлаама и Иоасафа», чтобы убедиться, насколько близки к ним в своей основе действия Грозного и во время учреждения опричнины (внезапный отъезд царя в Александрову слободу, разделение государства на две части — опричную и земскую) и особенно при «поставлении» Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии».

Но был ли Грозный при всей своей начитанности знаком с «Житием Варлаама и Иоасафа»? На этот вопрос надо ответить утвердительно. В послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, написанном всего за два года до необычного «вокняжения» Симеона, на это житие есть прямая ссылка⁴³. Житие это использовано и в духовном завещании Грозного 1572 г. и его первом послании к А. М. Курбскому в 1564 г. накануне учреждения опричнины. Есть основания полагать, что рассматриваемое сочинение входило в круг чтения еще юного Ивана IV, определенного Макарием или Сильвестром. Однако у Грозного кроткая восточная легенда приобрела вопреки намерениям его юношеских наставников устрашающие, жестокие черты.

Знаменитое челобитие Грозного и его сыновей «великому князю всеа Русии» Симеону Бекбулатовичу от 30 октября 1575 г. является, по сути дела, программой будущей реформы, представляющей собой не что иное, как возрождение опричнины. Ни характер, ни объем, ни последовательность мероприятий Ивана Грозного в 1575—1576 гг. сколько-нибудь полно еще не выяснены. Причина этому — крайняя скудость источников. О деятельности Ивана IV как «князя Московского» дошло до нас всего четыре грамоты, а «великого князя всеа Русии» Симеона около 50 актов, связанных в основном с Новгородом. Однако этих материалов все же недостаточно, чтобы исчерпывающе судить о внутренней политике в те дни, когда Симеон находился на «великом княжении», а Иван IV — на «уделе». Поэтому на основе новых архивных источников попытаемся выделить и хотя бы кратко охарактеризовать ее основные аспекты.

⁴⁰ «История русской словесности А. Галахова». Т. I. СПб. 1880, стр. 422—426; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв. СПб. 1903, стр. 4, прим. 3.

⁴¹ «Житие Варлаама и Иоасафа». «Общество любителей древней письменности» (ОЛДП). Т. XXXVIII. СПб. 1887, стр. 473, 475, 480—481.

⁴² Там же. Т. XXXVIII, стр. 440—441.

⁴³ «Послания Ивана Грозного», стр. 174.

Самая ранняя грамота Грозного, направленная «от государя князя Ивана Васильевича московского и псковского, и ростовского» на Двину о сборе податей, отделена от его челобитья Симеону Бекбулатовичу всего 19 днями⁴⁴. Здесь мы встречаемся с наиболее полным наименованием удельного титула Ивана IV, что дает возможность представить себе контуры «удела» в момент его образования. Итак, в «государев удел» в ноябре 1576 г. входили Двина, Псков и Ростов. Весьма вероятно, что в «удел» сразу же были взяты дворцовые волости, например, Аргуновская, Сурярская и др.⁴⁵ Что касается собственно «московского удела» Ивана IV — Старицы, Дмитрова, Ржевы и Зубцова⁴⁶, то еще требуется установить время перехода этих мест в «удел». Возможно, что какие-то из них быстро стали «удельными» территориями, что и дало основание Грозному называть себя «князем Московским». Это относится в равной мере к Порхову и Шелонской пятине, зафиксированным в «уделе» более поздними источниками, а также и к землям, прилегающим к Двине, — Пошехонскому, Каргопольскому, Вологодскому уездам и др., о которых известно, что они весной 1577 г. входили во «двор»⁴⁷.

Уже зимой 1576 г. Грозный обосновывается в Старице, которая становится второй Александровой слободой. Большой интерес в этом плане представляет изложение в грамоте Симеона Бекбулатовича в Обонежскую пятину указа Ивана IV о высылке детей боярских из Зубцова и Ржевы и испомещения их на землях тех «бояр и дворян, и детей боярских», которых «взял князь Иван Васильевич Московский к себе в удел»⁴⁸. Следовательно, превращение Старицы в резиденцию Ивана IV повлекло за собой взятие в «удел» близлежащих Зубцова и Ржевы. Указ был дан в феврале — начале марта 1576 г., ибо сохранилась ввозная грамота от 11 марта И. О. и К. О. Безобразовым, испомещенным в Ржевском уезде «против их алексинского поместья»⁴⁹. Многочисленные случаи высылки помещиков в «государев удел» наблюдаются в Обонежской пятине. В апреле — июне 1576 г. здесь происходила массовая раздача поместий, оставленных теми, кого Иван IV решил взять к себе в «удел»⁵⁰. В «боярском списке» 1577 г. под особыми рубриками значатся высланные из Зубцова, Старицы и Пскова⁵¹. 1 марта 1576 г. из Старицы от имени «государя князя Ивана Васильевича Московского» была послана грамота в Дмитровский уезд, в которой извещалось об отделении поместья Г. М. Елчанинову «к старому его дмитровскому поместью в придачу». Первое упоминание о Дмитровском уезде в составе «удела» относится к 14 февраля 1576 г., когда из казны Иосифо-Волоколамского монастыря было выплачено туровскому приказчику Тонкому Гаврилову «2 алтына з деньгою» в возмещение тех денег, что «давал он в Старице о грамоте о Бужаровской в Дмитров»⁵². Отсюда можно заключить, что Дмитров уже зимой 1576 г. управлялся из Ста-

⁴⁴ С. О. Шмидт. Неизвестные документы XVI в. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 155—156.

⁴⁵ В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю. «Записки» Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. М. 1959, стр. 201—203; ААЭ. Т. I, № 294.

⁴⁶ С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 432.

⁴⁷ П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. «Исторический архив». Т. III. 1940, стр. 280—281.

⁴⁸ В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси», стр. 154—155.

⁴⁹ А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ. Ч. I. М. 1898, стр. 186.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 774, лл. 28 об., 35, 40 об., 50, 53 об., 67, 74, 92, 95 об. и др.

⁵¹ «Акты Московского государства». Т. I. СПб. 1890, стр. 46—47.

⁵² ЛОИИ. Собрание рукописных книг, № 1028, л. 98; А. Юшков. Указ. соч., стр. 185.

рицы. По-видимому, Дмитров был взят в «удел» при его учреждении осенью 1575 г. или вскоре после этого.

К маю 1575 г. документы зафиксировали вхождение в «удел» Порховского уезда⁵³. Однако Шелонская пятинна вошла в него не вся. Сохранившаяся от 20 мая 1576 г. грамота «государя князя Ивана Васильевича Московского» в Порхов и отрывок писцовой книги касаются лишь западных погостов Шелонской пятины⁵⁴, в восточных же действовала в это время администрация Симеона. Так, 7 мая 1576 г. сын боярский Семен Куликов «по государеву, великого князя Симеона Бекбулатовича всеа Руси слову и по грамоте великого князя дьяка Ильи Осеева» отделил в Шелонской пятине в Зарусской половине в Ильменском погосте поместье И. М. Назимову⁵⁵. 9 июля тот же Куликов опрашивал крестьян Березского погоста Залесской половины Шелонской пятины, стремясь узнать, что «Филип Головачев ко государю в удел взят ли, а то их поместье не отдано ли кому и не владеет ли кто?». Обычные люди отвечали ему, что «Филипа, господине, государь (Иван IV.—В. К.) взял в удел»⁵⁶. И действительно, в отрывке писцовой книги погостов Шелонской пятины, взятых в «удел», находим в Ручеевском погосте поместье Филиппа Головачева⁵⁷.

Упоминание среди «дворовых» городов весной 1577 г. Каргополя, Вологды и Пошехонья наряду с бывшими «удельными» Дмитровым и Ростовом говорит как бы в пользу того, что и они входили в «удел» «Ивана Московского». Если сопоставить эти данные с грамотой Ивана IV на Двину от 19 ноября 1576 г., то получим довольно крупный массив северных уездов, которые, входя ранее в опричнину, затем в «удел» и позднее во «двор», составляли для оброчных экспериментов Ивана Грозного более или менее прочную финансовую базу.

Из этих земель в опричнину в разное время входили только Старица, Ржева, Пошехонье, Вологда, Двина, тогда как Псков и Порхов с другими землями Шелонской пятины, оказавшимися в «уделе», никогда в опричнину не включались, а принадлежность к опричнине Ростова и Дмитрова, на наш взгляд, более чем проблематична⁵⁸. Поскольку с момента казни Владимира Андреевича, последнего старицкого удельного князя, прошло не более семи лет, «поймание» в «удел» его бывших владений, так же как и владений других удельных князей, вполне объяснимо стремлением Грозного до конца выкорчевать удельно-княжеский сепаратизм. Среди казненных осенью 1575 г. были лица, в прошлом так или иначе связанные со старицкими князьями и выступавшие в пользу кандидатуры Владимира Андреевича во время дворцовых событий 1553 года. Ростов и Дмитров представляли собой уезды, где имелось землевладение «княжат», которым были нанесены сильные удары во время опричнины. Теперь Иван Грозный добивал своих политических противников.

В 1575—1576 гг. Иван IV продолжал то, на чем остановился в момент отмены опричнины в 1572 году. Одной из последних, по данным В. Б. Кобринна, в опричные годы была взята в «государеву светлость» Старица; сейчас она берется в «государев удел» одной из первых. Новгородские — Обонежская и Бежецкая пятинны были взяты в опричнину накануне ее отмены⁵⁹; теперь очередь дошла до Порховского уезда Шелонской пятины и Пскова.

⁵³ А. Юшков. Указ. соч., стр. 186—187.

⁵⁴ «Новгородские писцовые книги» (далее НПК). Т. V. СПб. 1905, стб. 573—696. А. М. Андрияшев. Материалы для исторической географии Новгородской земли. Т. III. М. 1914, стр. 1—124.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. № 768, л. 151 об.

⁵⁶ Там же, лл. 161—162.

⁵⁷ НПК. Т. V, стр. 694.

⁵⁸ А. А. Зимиин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 329, 335, и др.

⁵⁹ «Новгородские летописи», стр. 104—105.

Дальше на запад в смысле опричных переборов двигаться уже было некуда. Взятие в «удел» Пскова с прилежавшими другими землями Шелонской пятины диктовалось в основном военными соображениями: на 1577 г. намечался грандиозный поход в Ливонию. Иван IV хотел иметь в своем непосредственном тылу земли, населенные преданными ему людьми, составляющие как бы защитную прослойку от Новгорода, хотя и разгромленного опричниками в 1570 г., но все еще, как казалось Грозному, достаточно опасного. По-видимому, «удельные» военно-стратегические опорные пункты располагались по всей русско-литовской границе. В числе «дворцовых городов» в росписи ливонского похода 1577 г. показаны Себеж, Красный, Опочка и «старо-опричные» — Белев, Козельск, Перемышль и Лихвин⁶⁰.

Итак, «удел» 1575—1576 гг. не был простым повторением опричнины. Его территория во многом не совпадала с опричной. Однако опричные порядки в 1575—1576 гг. распространялись на новые районы Русского государства, свидетельствуя об исключительном упорстве Грозного в его попытках проводить опричную политику в новых условиях. Крупную роль при этом играли и военно-стратегические планы. Остальная территория страны находилась в повседневном управлении Симеона Бекбулатовича, конечно, и здесь важные вопросы решались самим Иваном IV⁶¹.

С. М. Каштанов обратил внимание на необычность формуляра жалованных грамот Ивана IV 1575—1576 гг. в Казань на земли Троице-Сергиева монастыря⁶². Все они даны от имени Ивана IV как царя и великого князя всея Руси. Возможно, что объяснение этому следует искать не в особом статусе Казанской земли (чтобы утверждать это, надо иметь в руках правительственные акты светским землевладельцам), а в особенностях политики Грозного в отношении влиятельного Троице-Сергиева монастыря. Эта политика обуславливается в данном случае тем обстоятельством, что из Казани вышел такой крупный «заговорщик», как князь П. А. Куракин, конфискованные поместные земли которого, согласно этим грамотам, передавались в Троицу⁶³. Мы располагаем грамотами «великого князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича, посвященными отделу и переделу поместий, оформлению владельческих прав на них, сбору податей и т. п. и адресованными в Кострому, Ярославль, Шую, Владимир, Белоозеро, Муром, Мценск, Новгородские пятины⁶⁴. Несомненно, это лишь небольшая часть той обширной документации, которая исходила от Симеона в 1575—1576 годах. В архиве Посольского приказа в первой четверти XVII в. хранилось еще: «Столп помесной наугороцкой 84-го (1575/1576) году. Ветх добре и истлел и распался. Многово места чести нельзя, что згнило. Столпик 7084

⁶⁰ «Военный журнал», 1852, № 2, стр. 98—99; П. А. Садииков. Указ. соч., стр. 334.

⁶¹ Вызывает возражение вывод С. М. Каштанова о том, что «Иван IV, ставя Симеона великим князем, сознательно шел на политическое соперничество между собой и Симеоном» (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 444), вследствие чего отношения между Иваном Грозным и Симеоном рассматриваются под углом экономической и политической борьбы, шедшей якобы между ними. Выдвинутое в связи с этим положение С. М. Каштанова о перемене в конце марта — начале апреля 1576 г. Иваном Грозным Симеонову области «великого княжения» (см. там же, стр. 445—446) не находит, на наш взгляд, подтверждения в источниках. Чтобы говорить о такой «перемене», нужно иметь в руках документы, исходящие как от Ивана Грозного, так и Симеона, которые с весны 1576 г. замещали бы друг друга.

⁶² С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 428—430, 456—457.

⁶³ Но тогда отпадает предположение С. М. Каштанова о трехчленном делении Русского государства в 1575—1576 гг. на «земщину» Симеона, «удел» (или опричнину Грозного) и «земщину» Грозного (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 443).

⁶⁴ «Исторический архив». Т. III, стр. 278—279; ААЭ. Т. I, стр. 355—357; АИ. Т. I, стр. 360—361; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки в XVI столетии. СПб. 1888, стр. 472; «Русская виблиофика Н. Полевого». Т. I. М. 1833, стр. 201—203; ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. № 768, лл. 150, 153 об., 159 об., 161—163 об., 165—166 об., 172—174 и др. и кн. № 774, лл. 1—148.

(1575—1576 гг.), а в нем наказы приказным людем по городом при великом князе Симеоне Бекбулатовиче всеа Русии. Ветх добре и распался и истлел. Столпик невелик, ветх добре, помесной Кашинской 84-го (1575/1576) году. Началу и исподу нет»⁶⁵.

Эти бумаги, истлевавшие на глазах у приказных XVII в., представляют собой, видимо, остатки, свидетельствующие о кратковременной деятельности «великого князя всеа Русии» Симеона Бекбулатовича. Те грамоты, которые сохранились, выданы им начиная от февраля 1576 г. по сентябрь включительно. Наибольший интерес для датировки пребывания на «великом княжении» Симеона вызывает его сентябрьская грамота в Вотцкую пятину, но день ее выдачи оказался, к сожалению, утраченным из-за ветхости документа⁶⁶. Однако известное нам последнее упоминание о деятельности Симеона как «великого князя всеа Русии» датировано 13 сентября 1576 г. и содержится в царской грамоте Ивана IV от 30 марта 1577 г. в Обонежскую пятину, где имеется следующая отсылка: «В нынешним восемьдесят пятом году сентября в триех на десят день песал к нам князь великий Симеон Бекбулатович»⁶⁷. Итак, Симеон Бекбулатович еще в середине сентября 1576 г. находился на «великом княжении», пробыв на нем одиннадцать месяцев.

В исторической литературе время «великого княжения» Симеона Бекбулатовича определялось по-разному. С. М. Соловьев отводил ему чуть ли не два года, П. А. Садиков — значительно меньше — «с половины 1575 г. по август 1576 г.», С. М. Каштанов — с октября 1575 г. по август 1576 года⁶⁸. Теперь можно утверждать, что Симеон находился на «великом княжении» с октября 1575 г. до середины по крайней мере сентября 1576 года. Кратковременность «княжения» Симеона Бекбулатовича отмечает и «Соловецкий летописец», где сказано, что Симеон «был на княженье год не полон»⁶⁹.

Мы проследили, как шло формирование территории «удела» Ивана IV, теперь предстоит рассмотреть, каким образом происходило комплектование его служилыми людьми.

В своем челобитье Симеону Бекбулатовичу Иван Грозный в уничижительной форме просил, чтобы он «ослободил бы еси пожаловал изо всяких людишек выбирать и принимать; а котсрые нам ненадобны, и нам бы тех пожаловал еси, государь, освободил прочь отсылати». «И как, государь, — писал Грозный, — переберем людишка, и мы ко тебе, государю, имяны их списки принесем и от того времени без твоего государева ведома ни одного человека не возьмем»⁷⁰.

Как и во времена опричнины, в основу комплектования «удела» служилыми людьми был положен «двор» Ивана Грозного. В одном из дел Поместного приказа 1585 г. находим ценные указания на высылку дворовых в 1576 г. из Обонежской пятины в «удел». «А в прошлом в 84-м году дети боярские Обонежской пятины, которые были у государя во дворе, выведены в Порхов. А поместья их по государеве грамоте и по разметному списку велено роздати детям боярским, которых государь велел вывести изо Ржовы и Зубцова»⁷¹. Соответственно с этим ука-

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Посольский приказ, «Архивская книга» № 2, 1626 г., л. 426 об.

⁶⁶ Там же, кн. № 768, лл. 172—174.

⁶⁷ Там же, кн. № 774, л. 148 об. То, что грамота Ивана IV от 2 сентября 1576 г. по челобитью игумена Вяжицкого монастыря Сильвестра на игумена Соловецкого монастыря Варлаама дана новгородским дьяком от имени «царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии», следует объяснить либо особенностями политики Грозного по отношению к монастырям, либо подготовкой к ликвидации «великого княжения» Симеона (привезена она была в Новгород только 10 октября 1576 г.). См. «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. 32. Пгтр. 1915, стб. 539—540.

⁶⁸ С. М. Соловьев Указ. соч., стр. 565; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 43; С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 429, 456.

⁶⁹ «Исторический архив». Т. VII. 1951, стр. 226.

⁷⁰ «Послания Ивана Грозного», стр. 195.

⁷¹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стб. № 42737, ч. I, д. 2, л. 14.

зом Ивана IV из Обонежской пятины был выведен дворовый Ефим Воронов, обозначенный в списке «двора» Ивана Грозного от 20 марта 1573 г. как получающий государево жалованье в 25 рублей⁷². В 1576 г. в Обонежской пятине встречаются и многие другие покинутые поместья дворовых, которых Иван Грозный перевел в свой «удел»: Григория и Игнатия Колычевых, Самсона Андреева сына Волосатого, Алексея Быкова, дьяка Богдана Иванова, Якова Федорова и Степана Андреева Култашева, Никиту и Казарина Култашевых, Ивана и Облезу Вороновых, Архипа и Матвея Юрьевых Скобельциных, Казарина и Ждана Скобельциных, Алексея Константинова сына Быкова. Все эти лица упомянуты в списке «дворовых» 1573 года⁷³. Важно отметить, что дворовые, владевшие поместьями в Обонежской пятине и переведенные в «удел» — в прошлом опричники, так как Обонежская пятина вместе с Бежецкой, по свидетельству «Новгородской летописи», в 1571 г. была взята в опричнину⁷⁴. Подтверждения этого летописного известия имеются в приказном делопроизводстве 80-х годов XVI в., сохранившем исключительно ценные данные о событиях более ранних опричных лет. Оказывается, в 1571 г. Иван Грозный лично «смотрел князей и детей боярских Обонежской пятины и верстал их государским жалованьем в 79-м году»⁷⁵. Верстальный список отобранных царем в опричнину был прислан к новгородскому наместнику князю П. Д. Пронскому и дьяку Семену Мишурину, видным опричным деятелям, за приписью дьяка Посника Суворова, которого теперь есть все основания тоже считать опричным дьяком. Посник Суворов в списке опричного двора Ивана Грозного, составленном В. Б. Кобриным, отсутствует, но он значится в списке «двора» 1573 г. с окладом в 150 рублей⁷⁶.

Судя по сохранившимся выдержкам из опричного верстального списка 1571 г., в Обонежской пятине были тогда испомещены как дворовые, так и опричники, не входившие во «двор». Позднее, в 1576 г., Иван Грозный выводит в «удел» только дворовых, а бывших опричников-недворовых оставляет в старых поместьях. Такая участь постигла бывших опричников Богдана Дмитриева сына Мартьянова и Искача Степанова сына Скрипицына⁷⁷. «Дворовые» переводились в «удел» не только из Обонежской пятины, но и из других уездов. Г. М. Ельчанинов, испомещенный 11 марта 1576 г. в «удельном» Дмитровском уезде, был дворовым, Иван и Кузьма Осиповичи Безобразовы, получившие взвозную грамоту на поместье в Ржевском уезде, являлись дворовыми, наконец, порховский наместник В. М. Безобразов, проводивший описание погостов Шелонской пятины, отошедших в «удел», — тоже дворовый⁷⁸.

Иван Грозный выбирал служилых людей в свой «удел» в 1575—1576 гг. в основном из «двора», неизменно составлявшего ядро его ближайшего опричного окружения. Но, как свидетельствуют источники, Иван IV воспользовался новым перебором также для очередной чистки своего «двора» от неугодных элементов. Так, дворовый Ишук Иванов сын Бастанов был выведен из Ржева, вошедшего в «удел», и испомещен в земской Обонежской пятине; из Ржевского уезда, в прошлом опричного, весной 1576 г. выслан ряд дворовых⁷⁹.

⁷² Д. Н. Альшиц. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. «Исторический архив». Т. IV. 1949, стр. 22.

⁷³ Там же, стр. 20—22, 25—27, 29—30 и др.

⁷⁴ «Новгородские летописи», стр. 104—105.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, ст. № 42740, ч. I, л. 136.

⁷⁶ Д. Н. Альшиц. Указ. соч., стр. 20. А. А. Зимин считает Посника Суворова опричником, основываясь на весеннем разряде 1572 г. См. А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 351, прим. 9.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, ст. № 42740, ч. I, л. 136, ч. II, л. 233.

⁷⁸ Д. Н. Альшиц. Указ. соч., стр. 22—23.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, ст. № 42737, ч. I, д. 2, л. 1; кн. 774, л. 131; А. Юшков. Указ. соч., стр. 186.

Обнаружение в списке «двора» Ивана Грозного 1573 г. опричников, испомещенных в 1571 г. в Обонежской пятине и служивших во «дворе» целыми семьями — отцы, братья, племянники, дяди (Вороновых записано там 9 человек, Култашевых — 32, Скобелъциных — 33), серьезно повышает степень научной обоснованности вывода Д. Н. Альшица, оспаривавшегося О. А. Яковлевой⁸⁰, о том, что этот список является списком опричников. В. Б. Кобрин, реконструируя состав опричного двора Ивана Грозного, не использовал список 1573 г., полагая, что он мог быть как опричным, так и «сводкой двух списков — опричного и земского»⁸¹. По-видимому, по той же причине не уделил должного внимания списку 1573 г. и А. А. Зимин, хотя этот список дает возможность полнее осветить ближайшее опричное окружение Грозного накануне отмены опричнины. Трудно представить, чтобы царь вскоре после официальной отмены опричнины в 1572 г. пошел на сколько-нибудь существенное разбавление своего опричного «двора» земскими элементами. И в дальнейшем, как это видно из «удельных» испомещений 1575—1576 гг., за немногими исключениями состав «двора» оставался неизменным.

Итак, в вихре опричных и «удельных» переборов, высылки, перемещений присутствует некая постоянная величина, служащая Ивану IV надежной опорой. Это его ближайшее опричное окружение, «государев двор».

Взятые в «государев удел» служилые люди попадали в особое положение. На смену аристократической привилегированности «по породе» шла опричная, по степени близости к государю. Особенно сильно она сказывалась в наделении землей и крестьянами. Г. М. Ельчанинов, получив в Дмитровском уезде к своему поместью «в придачу» 119 четвертей, попал, безусловно, в лучшее положение, чем высланный оттуда помещик. Всего отчетливее, однако, эта сторона выступает в описании отошедших в «удел» погостов Шелонской пятин, составленном зимой 1575/76 года⁸². Книга зафиксировала тот момент, когда большая часть помещиков уже покинула свои поместья, на месте находились лишь те, кого Иван IV решил оставить в своем «уделе», и, может быть, к этому времени только начали появляться первые переселенцы из других уездов. В Шелонской пятине в 1576 г. три четверти земли пустовало и лишь четверть обрабатывалась. Те немногие оазисы, которые сохранились среди общего запустения, принадлежали либо помещикам, оставленным в «уделе», либо подлежали приписке к «государевым» дворцовым селам. Например, любимцам Грозного — В. Г. Зюзину, Богдану и Афанасию Бельским, которым в списке 1573 г. помечены значительные денежные оклады в 400, 250 и 40 руб., — принадлежало в Шелонской пятине 237 крестьянских, бобыльских и людских дворов. «Дворовые» Косицкие (5 человек) владели 84 дворами, князь М. Егупов — 23, Ю. Костров — 20. Не обделил себя и Грозный: к «государевой десятинной пашне» дворцового села Фролова в Карачунском и Болчинском погостах было приписано 565 крестьянских и бобыльских дворов⁸³.

Такому «цветущему» состоянию земель приближенных Грозного способствовала щедрая раздача льгот. А. В. Бельский, обладатель хорошо налаженного хозяйства, в котором насчитывалось 122 крестьянских, бобыльских и людских дворов, тем не менее получил в июле 1575 г. льготу до 14 июля 1578 года. Были даны льготы и «дворовому» Пауку

⁸⁰ О. А. Яковлева. К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573) г. «Записки» Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Т. 13. 1951, стр. 234—236.

⁸¹ В. Б. Кобрин. Указ. соч., стр. 17—18.

⁸² НПК. Т. V, стб. 665: «Те крестьяне пришли на пусто сее зимы 84 года (1575/1576 г.)».

⁸³ Там же, стб. 582, 587 и др.

Косицкому с 26 декабря 1574 г. по 26 декабря 1580 года⁸⁴. С 1 сентября 1575 г. пользовалась льготой княгиня Аксинья Телятевская, вдова одного из видных опричных деятелей князя А. П. Телятевского, на свою запустевшую вотчину в Дмитровском уезде, вскоре отошедшем в «удел»⁸⁵. Подобная раздача льгот в конце 1574 и особенно летом 1575 г. наталкивает на мысль, что Грозный заранее замыслил о выделении «государева удела».

На земли к помещикам, находившимся под особым покровительством государя, тянулись крестьяне. Так, при описании поместья князя Ю. Кострова писцы отметили четырех новоприходцев: «жильцы пришли сее осени (то есть осенью 1575 г.— В. К.), земля не пахана»⁸⁶. Взятый в «удел» феодалам предоставлялись лучшие, наиболее населенные земли, предусматривались щедрые льготы, при выдаче которых Грозный руководствовался принципом фаворитизма. Иван IV стремился обеспечить землей и крестьянами свое ближайшее окружение — опричную гвардию и гвардию в гвардии — «государев двор».

Возрожденная в 1575—1576 гг. опричина, как и опричина 1565—1572 гг., знаменовала новый шаг на пути закрепощения крестьян. Интерес к юридическому оформлению крепостнических отношений проглядывает в вопросе Ивана Грозного «великому князю всеа Руси» Симеону Бекбулатовичу о том, «как нам своих мелких людишек держати: по наших ли диячишков запискам и по жалованьицку нашему, или велишь на них полные имати?»⁸⁷. В случае положительного ответа, а именно такой ответ и предполагался, операции по похолоплению для дворян, взятых в «удел», существенно облегчались, поскольку им не надо было обращаться в московский Ямской приказ, где выдавались «полные» грамоты.

Выезжая в «удел», дворяне вывозили с собой и своих «людишек», «людей» (холопов), среди которых, конечно, могли быть и насильственно похолопленные крестьяне. Но, как правило, во второй половине XVI в. крестьяне и холопы различались не только в жалованных грамотах, но и в писцовых книгах и других документах. Крестьяне оставались в покинутых поместьях, становясь легкой добычей для соседних помещиков. Именно на опричные годы и приходится начало той беспрецедентной вакханалии насильственных вывозов крестьян помещиками, борьбе с которой правительство царя Федора вынуждено было уделить столько сил в 80—90-х годах XVI века. Со своей стороны, крестьяне использовали создавшееся положение для осуществления незаконных выходов. Так, из поместья в Обонежской пятине дьяка Андрея Клобукова, взятого в «удел», пять крестьян в 1576 г. были незаконно вывезены помещиком Иваном Змеевым «туто же в Петровской погост», три крестьянина — Федором Богдановым сыном Змеева, три крестьянина — Шестым Змеевым, а про других крестьян обыскные люди заявили, что они «из того поместья вышли в иные погосты». «А про засев и про рожь сказывати было некому, сколько в которой деревни ржи сеяно, потому что все деревни пусты»⁸⁸. Не лучшую картину представляло собой в июле 1576 г. и поместье Богдана Босакова в Вотцкой пятине, из которого всех крестьян «вывез за себя Федор Ребров о Петрове дни»⁸⁹.

Запустение поместий от чрезмерных налогов и от насильств «сильных людей» приводило к оскудению рядовых помещиков, в их среде наблюдались попытки избежать военной службы. Правительство Ивана Грозного, сталкиваясь со случаями неявки помещиков на военную служ-

⁸⁴ Там же, стб. 657, 684, 686 и др.

⁸⁵ М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 24—25.

⁸⁶ НПК. Т. V, стб. 677.

⁸⁷ «Послания Ивана Грозного», стр. 196.

⁸⁸ Д. Я. Самоковсоев. Архивный материал. Т. II. М. 1909, стр. 474—475.

⁸⁹ Там же, стр. 444.

бу, изыскивало в 1575—1576 гг. средства, чтобы пресечь эти нежелательные явления. По крайней мере с начала 1576 г. действовал «государев указ», призванный повысить дисциплину и боеспособность дворянского войска, но вместе с тем чувствительно затрагивавший интересы служилой массы. Согласно этому указу, все поместные земли служилого человека должны были находиться лишь в том уезде, где он значился в служилом списке. Помещик Федор Ахшимов был выслан из Мценского уезда и лишен там поместья на том основании, что «он служит из Новосили, и верстан де он в Новосиль»⁹⁰. Аналогичные мероприятия проводились и в «уделе». Тем самым уничтожалась разбросанность владений, столь характерная для служилого землевладения в XVI в., но одновременно закрывались и возможности для помещиков как-то манкировать своими обязанностями и выводить с собой в поход меньшее число воинов, чем это предусматривалось Уложением о службе 1556 г., или даже вовсе не являться на «государеву службу», укрываясь в своих отдаленных поместьях.

С изданием этого указа правительству было проще налагать санкции: уменьшать у «нетчика» земельные владения или привлекать его самого к ответу. Эти суровые меры призваны были способствовать подготовке ливонского похода, задуманного Грозным на 1577 год. Его генеральной репетицией явился весенний калужский поход 1576 г. «князя Ивана Васильевича Московского» и «великого князя всеа Русии» Симеона Бекбулатовича против крымского хана. Этот поход должен был обеспечить русский тыл.

Финансовая сторона проводившейся в 1575—1576 гг. реформы наиболее отчетливо выступает из указной грамоты Ивана IV на Двину от 19 ноября 1575 г., в которой сообщалось, что «весь Двинский уезд — станы и волости и всякие денежные свои доходы поместили есмь к себе в удел»⁹¹. Совершенно не считаясь с возможностью запустения, Грозный предписывал собрать с двинян столько же налогов, сколько и в предыдущем, 1574 году. Сюда посылался для сбора налогов сын боярский Суторма Хренов. Полномочия этого «государева посланника» ничем не отличались от опричных праветчиков на Двине и в Новгородской области в конце 60-х — начале 70-х годов XVI века. Неплательщиков предполагалось «бить на правеже нещадно от утра и до вечера», виновных в неправильной раскладке налогов — казнить смертью.

Финансовые вопросы занимали и земское правительство Симеона Бекбулатовича, которое пыталось, однако, их решать не столь прямолинейно, как Грозный. При переселениях подчас возникали случаи, когда с тех или иных поместий нельзя было взять налоги: старые помещики уже уехали, а новые еще не появились. Тогда местные органы власти все налоги раскладывали на оставшихся. Очевидно, в таком положении очутились в 1576 г. шуйский помещик Василий Каблуков, который бил челом «великому князю всеа Русии» Симеону Бекбулатовичу, жалуюсь на шуйского городового приказчика, бравшего подати не только с его поместья, но и за приписные к нему земли, отчего «его поместье пустеет»⁹². Специальной указной грамотой Симеон запретил подобную практику.

Целям предельной концентрации финансовых средств, необходимых для осуществления задуманной военной кампании 1577 г., служила и политика правительства Ивана Грозного в отношении церкви. С поставлением Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии» потеряли прежнее значение жалованные грамоты монастырям, а права вы-

⁹⁰ «Русская виблиофика Н. Полевого», стр. 201—203; С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб. 1897, стр. 311.

⁹¹ С. О. Шмидт. Неизвестные документы XVI в., стр. 155.

⁹² ААЭ. Т. I, № 195.

давать новые Симеон от Грозного не получил⁹³. Их выдавал за большие деньги крупнейшим монастырям — Иосифо-Волоколамскому, Кирилло-Белозерскому, Троице-Сергиевому — непосредственно Грозный то как царь (если монастырские владения находились в «земщине»), то от имени «князя Ивана Васильевича Московского» (если таковые были расположены в «уделе»)⁹⁴. Англичанин протестант Джильс Флетчер, которому все это было особенно по душе, исчисляет (по-видимому, сильно преувеличивая) отнятые таким путем Грозным у епископий и монастырей суммы в каждом случае в 40—50, а то и в 100 тыс. рублей. Другой ревностный протестант, Джером Горсей, склонен расценивать эти действия Ивана IV как следование примеру английского короля, осуществившего секуляризацию церковных владений в Англии⁹⁵. Конечно, подобное утверждение — явное преувеличение, свидетельствующее о непонимании Горсеем истинной природы взаимоотношений государственной власти и церкви в России XVI века. В данном случае мы имеем дело лишь с единовременными изъятиями Иваном Грозным крупных денежных сумм из монастырских хранилищ на Ливонскую войну.

Ведя наступление на монастыри, он стремился опереться не только на служилое дворянство, но и на волостных крестьян «государева удела». В 1575—1576 гг. по грамотам, выданным из Александровой слободы, крестьянами Аргуновской волости, вошедшей в состав опричной территории, ставятся «для бережения государева леса» деревни, которые позднее, в 1578—1579 гг., пытался вернуть себе Троице-Сергиев монастырь. Хотя эти деревни были поставлены крестьянами на монастырской земле, решение о передаче их в монастырь последовало уже после смерти Грозного, в середине 1580-х годов⁹⁶.

Правительство Ивана IV не прочь было заручиться поддержкой дворцовых крестьян и в своей борьбе с крупными боярскими вотчинниками. Осенью 1575 г., как явствует из разрядных книг, была послана из Москвы в рязанские дворцовые села специальная комиссия в составе Ф. А. Пушкина и князя М. А. Щербатого. Поводом для ее посылки послужило челобитье рязанских дворцовых крестьян Ивану IV «на Федора Шереметева да на его людей и (на) крестьян его и на детей боярских». В чем заключалось дело, к сожалению, узнать из краткой разрядной записи не удается. Но жалобе крестьян было уделено самое пристальное внимание, и их представители были вызваны в Москву⁹⁷.

Стремление Грозного использовать в 1575—1576 гг. противоречия между дворцовыми крестьянами, соседними монастырями и крупными светскими вотчинниками также ведет нас к опричнине, с ее политикой раскола и противопоставления друг другу различных классов, социальных прослоек и групп в целях их взаимного ослабления.

Однако, как и прежде, такая политика приводила в ряде случаев к нежелательным для правительства последствиям. В 70-х годах XVI в.

⁹³ С. М. Каштанов, признавая последнее обстоятельство (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 429), однако, не склонен видеть нарушения жалованных грамот при Симеоне, относя имеющиеся в жалованных грамотах известия на этот счет к более раннему времени (1551 г.) (С. М. Каштанов. К вопросу об отмене тарханов в 1575—1576 гг. «Исторические записки». Т. 77. 1965, стр. 209, 210 и др.). При таком подходе остается неясным, чем объяснить столь длительное молчание монастырских властей, запустевших лишь спустя 25 лет — в 1576—1578 гг., сразу же после сведения Симеона с «великого княжения», — и выдачу общих жалованных грамот крупнейшим монастырям в 1577—1578 годах.

⁹⁴ «Акты феодального землевладения и хозяйства». Т. II М. 1956, № 367; ААЭ. Т. I, № 292; ГБЛ, РО, ф. Троице-Сергиева монастыря, кн. 519, лл. 111 об.—112 об.; лл. 106—108 об.; 99 об.—101 об., 113 об.—114 об.; «Акты Беляева», № 1/157.

⁹⁵ «О государстве Русском сочинение Флетчера». СПб. 1905, стр. 50; Дж. Горсей. Указ. соч., стр. 37.

⁹⁶ В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю, стр. 190—192.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. Оболенского, № 85, л. 532 об.

активизировались крестьянские выступления против монастырей. В 1574 г. крестьяне Ростовской волости сожгли Важский Клоновский монастырь, а в 1577—1578 гг. произошли серьезные волнения в Антони-ево-Сийском монастыре⁹⁸. Обострение классовой борьбы, массовые побег и неуплата податей, конечно, не входили в планы Ивана Грозного, но эти процессы, развивавшиеся с неумолимой силой, были ему неподвластны.

Подведем некоторые итоги. Ожесточенная внутрикласовая борьба 60—70-х годов XVI в. не миновала и земские соборы, ставшие ее ареной. Это учреждение пытались использовать как Грозный и группировавшиеся вокруг него слои господствующего класса, так и оппозиционные элементы. Установление факта выступления феодальной оппозиции на земском соборе 1575 г., созванном в разгар Ливонской войны и призванном обсудить внутренние и внешнеполитические вопросы ее успешного продолжения, имеет большое значение. Важность этого вывода становится особенно очевидной при сопоставлении собора 1575 г. с другими земскими соборами 60-х годов XVI в.—предопричным собором или совещанием соборного типа 1564—1565 гг. и опричным 1566 г., на которых также часть их участников выступила против планов Грозного⁹⁹. Отличительной особенностью выступления оппозиции на соборе 1575 г. является расширение социального состава представителей господствующего класса, недовольных политикой правительства Ивана IV, и большая острота столкновения. К удельно-княжеской аристократии и высшему духовенству на этот раз присоединились и бывшие видные опричники — руководители важных приказов, писцы, обеспокоенные затянувшейся войной и надвинувшимся на страну хозяйственным разорением. Показательно, что даже специально подобранные члены земского собора 1575 г. (они вызывались в Москву «по государеву указу», «по списку») отказались согласиться с планами царя.

Иван Грозный жестоко расправился с недовольными. Произведя в 20-х числах октября 1575 г. массовые казни участников земского собора, Иван IV в конце октября поставил на «великое княжение» Симеона Бекбулатовича, разделил страну на «удел» и «земщину» и приступил к новым опричным «переборам» служилых людей. Важное место при этом придавалось всемерной концентрации денежных и военных средств для задуманного Грозным на 1577 г. похода в Ливонию с целью достижения окончательной победы в затянувшейся войне. Как удалось установить, литературным источником для Грозного как при учреждении опричнины в 1565 г., так и при «поставлении» Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии» в 1575 г. явилось «Житие Варлаама и Иоасафа».

В основу «переборов» 1575—1576 гг. было положено ближайшее опричное окружение Грозного, «государев двор». Крепостническое существо этой перетасовки служилых людей заключалось в том, что взятые в «удел» феодалы попадали в привилегированное положение, лучше обеспечивались землей и крестьянами, получали щедрые льготы. Произошло возрождение опричной политики в формах, во многом характерных для 1565—1572 годов. Однако в это время речь уже шла не столько о сокрушении княжеско-боярской оппозиции, сколько о наступлении на привилегии духовных феодалов с целью облегчения положения

⁹⁸ В. И. Корецкий. Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII вв. «Вопросы истории религии и атеизма». Т. VI. М. 1958, стр. 171—175.

⁹⁹ С. О. Шмидт. Исследования по социально-политической истории России XVI века. Автореферат докторской диссертации. М. 1964, стр. 16—18; его же. К истории земских соборов XVI в. «Исторические записки». Т. 76. 1965, стр. 122—140; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 202—208.

поместного дворянства и отведения его недовольства в сторону монастырей.

В то же время, нанеся в 1575 г. удар по части своего бывшего опричного окружения, занимавшей руководящее положение в управлении и вступившей с ним в конфликт по ряду важных вопросов, Грозный подрывал самые основы своей политики. В 1575—1576 гг. произошло не только частичное возрождение опричнины, но и ее дальнейшее вырождение. Раскол государства на две части, отрицательно сказавшийся уже в 1565—1572 гг., был усугублен «поставлением» Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии». Ущербность новой опричнины сказалась и в том, что хотя ее порядки и были распространены на новые районы Русского государства, но размеры «удела» 1575—1576 гг. уступали опричной территории 1565—1572 гг., а сроки существования были значительно короче (одиннадцать месяцев вместо почти семи лет). Выведа свою власть за рамки сословных учреждений — земского собора, боярской думы, «освященного собора» — и добившись тем самым большей степени относительной независимости самодержавной власти от государственного класса феодалов, который она представляла, Грозный придал ей черты восточного деспотизма. Внешне это нашло наиболее яркое выражение в постановке во главе страны, пусть на короткий срок, крещеного татарского царевича, внутренне — в полном пренебрежении в политических планах экономической реальностью. Такое резкое усиление самодержавной власти, достигнутое искусственным насильственным путем, когда пережитки феодальной раздробленности искоренялись феодальными же средствами, привело к перенапряжению сил страны, к страшному хозяйственному разорению, к росту крепостничества и обострению классовых противоречий, вылившихся в начале XVII в. в грандиозную крестьянскую войну.